

Жертва человеческая и Божеская

В Новой Гвинее есть племя, при знакомстве с представителями которого ни в коем случае нельзя называть свое имя, рассказывать что бы то ни было о себе и принимать помощь от них. Это «асматы - удивительный народ, упоминание о котором наводит страх, ибо это жестокие охотники за головами и каннибалы. В 1961 г. именно здесь бесследно исчез Майкл Рокфеллер - сын бывшего в то время губернатора Нью-Йорка, одного из богатейших людей Америки. 20 моряков капитана Кука, высадившихся в 1770 г. с корабля на берег в поисках воды, стали жертвами аборигенов. Дурная слава пристала к этой местности. Каннибализм, страшный и непонятный, сделал асматы в глазах цивилизованного человечества кровожадными чудовищами. В 20-х годах нашего столетия голландцы, владевшие этими территориями, боролись с каннибализмом нещадно. Затем индонезийцы продолжили карательные экспедиции с той же решимостью. Но каннибализм был не побежден, а скорее загнан в подполье. Асматы изъяли все внешние проявления каннибализма из публичной жизни. Асматы считают, что смерть одного прибавляет жизненных сил другому. Убивая человека из другого племени, они тем самым как бы продлевают свою собственную жизнь. Только тот, кто узнал имя убитого, сможет в полной мере «воспользоваться» результатами охоты. Посему и доблесть асamatского воина зависит от умения выследить свою жертву, узнать о ней как можно больше. «Моральным» же обоснованием для «охотников за головами» являются умершие предки, постоянно требующие отмищения. На их души можно списать все, их спиритуальной силой прикрываются от злых духов, во множестве подстерегающих человека повсюду. Именно поэтому поклонение духам умерших стало неотъемлемой частью асamatских верований.... Доблесть воина - в победе, какой бы ценой она ни досталась. Надо - заведет специально дружбу с жителями соседней деревни, пригласит в гости, угостит, окажет помощь, - и все лишь для того, чтобы узнав о враге как можно больше, однажды напасть и убить. Станный, с позиции белого человека, кодекс взаимоотношений. Вполне логичным в этом контексте выглядит восприятие асматами библейской истории, с которой упорно и терпеливо знакомят их миссионеры, нередко, впрочем, страдавшие до недавнего времени от коварных каннибалов. Так вот, Иуда в глазах асматы выглядит рядом с рефлектирующим, слабым, простодушным Христом настоящим воином-победителем. Он сумел втереться в доверие к врагу, улучил нужный момент, перехитрил свою жертву и нанес точно рассчитанный удар. Он добился поставленной цели, он выжил, а Христос...

Асматы, мужественные, бесстрашные воины, гордые люди, не покорившиеся завоевателям. Да, с точки зрения белого человека, они коварны, вероломны и кровожадны, они не признают нашей морали и нашей жизни. И все же жаль, если цивилизация когда-нибудь уничтожит их самобытность»¹.

Если читатель разделяет скорбь автора «Огонька» о том, что каннибализм может исчезнуть, в результате наш мир станет чуть-чуть менее плюралистичным - может более не трудиться и не читать дальше. На вопрос «Все ли равно как верить?», в отличие от прессы типа «Огонька», я сразу отвечаю отрицательно: нет, не все равно как верить. Не все равно - едят ли люди друг друга или баранину. Не все равно - молятся они Христу или Вельзевулу.

¹ Черняк И. «У охотников за головами» // Огонек, 1995. N. 20. С. 68-71.

Упоминая о каннибализме я полагаю можно подвести черту под дискуссией на тему «Можно ли сравнивать религии между собой?». Да, религии различны, их разницу можно заметить и, осознав, признать, что одни религиозные практики являются, мягко говоря, «более отсталыми», а другие – «более духовными». Религия, в которой в жертву приносятся люди, мне представляется «менее возвышенной», чем та, которая предписывает приносить в жертву только животных. В свою очередь религия, рекомендуемая по праздникам резать ягнят, уступает той, в которой «вечерней жертвой» именуется словесная молитва и обращение сердца человека к Богу. И даже если мне докажут, что культ человеческих жертвоприношений более древен, чем практика вечернего чтения псалмов, я предпочту отмежеваться от «эзотерических преданий старины» и остаться в традиции, не имеющей столь почтенного возраста.

Я вполне понимаю выбор молодого индуистского брахмана, который свою древнюю и «эзотерическую» традицию променял на более молодое и прозаическое христианство: *«Мой дед Сингх серьезно занимался оккультизмом и всегда критиковал тех, кто просто философствовал и не пытался использовать сверхъестественные силы. Однажды моя бабушка Нани поведала мне тайну, которую хранила долгие годы: Сингх принес своего первого сына в жертву любимой богине Лакшми, супруге Вишну-хранителя. В Индии был такой обычай, но о нем не говорили открыто. Богиня богатства и процветания, она, возможно, помогла деду с невероятной быстротой стать самым богатым и влиятельным человеком на Тринидаде»².*

В этой статье я почти не буду говорить от себя. Я просто постараюсь показать - на каком фоне звучала проповедь пророков, а затем и Христа. То, что глубоко погружено в воды истории, видится и смутно и ностальгически. Но есть на земле островки, где многое осталось по-прежнему. Там не было услышано Евангелие.

Один из таких островков - мир ламаизма. Субстратом, который «подморозил» Тибет, задержав его духовное развитие в добиблейской эпохе, был буддизм. Дело в том, что в буддизме нет идеи Бога. Ни Единого Личного Бога-Творца нельзя мыслить по правилам буддистской философии, ни даже Мировой Брахман, Вселенский Дух. Все, что есть, есть поток частиц, все порождено психизмом. Все есть проявления психической энергии, и поэтому всем можно пользоваться — если только отдавать себе отчет в том, что ты используешь эти силы во благо буддистской общины.

В Тибет махаянистский буддизм пришел в VII веке. В IX веке он проник из аристократии и ученых кругов в народ в форме ламаизма, основанного Падма Самбхавой.

Народы Тибета тогда еще не вышли из стадии шаманизма. Их культ состоял в общении с духами - в том числе и вполне и откровенно злыми. По логике религиозного развития через какое-то время они могли бы принять идею Единого Божества и встать на общечеловеческий путь развития... Но к ним пришли буддистские проповедники и сказали, что Бога нет. Но есть духи (с точки зрения буддистской философии в принципе есть любые формы бытия, если кто-то их последовательно и постоянно мыслит и передает им свою энергию). В самом деле - любой буддист знает, что на проповеди Будды слетались даже боги. А Бог не пришел. Значит - Его нет. Шаманский культ был подкреплен буддистской философией.

Итак, придя в Тибет, Падма Самбхава начал строить монастырь Самье. Однако демоны противились стройке. Вступив с ними в оккультную борьбу, Падма Самбхава покорил их и превратил в слуг, которые и закончили строительство³. Так родилась излюбленная поговорка Е. Рерих: «Демоны строят храм». Кроме того, основатель ламаизма, победивши дьявольские силы, выдвинул и более долгосрочное условие для

² Рабиндранат Р. Махарадж. Смерть одного гуру. - Новосибирск, 1995. С. 12.

³ См. Давид-Ноэль А. Мистики и маги Тибета. - М., 1991. С. 108.

освобождения демонов. Отныне они были обязаны защищать буддистское правоверие. Вообще, с точки зрения тантризма, неэкономно уклоняться от общения с темными духами и энергиями - надо научиться не отметать их, а использовать в своих целях. Любая энергия может сгодиться в оккультном хозяйстве.

Опираясь на это предание и на это учение, заискивание именно перед этими жестокими и кровожадными гениями заняло первенствующее место в народном культе. В буддистских монастырях Монголии и Тибета ежедневное утреннее служение начинается с принесения кровавой жертвы «хранителю веры Чжамсарану и другим лютым божествам и гениям», «божественным палачам и смертоносцам врагов веры и добродетели».

Вот описание этих служб в книге русского этнографа А. М. Позднеева, переизданной в 1993 г. в Калмыкии самими буддистами: *«Приносящие балин хувараки перед началом служения должны прежде всего созерцать Чжамсарана и представить себе все пространство мира пустым. В пространстве этой пустоты они должны представить себе безграничное море из человеческой и лошадиной крови, в котором треугольником волнуются волны; в самой середине этих волн - четырехугольную медную гору и на вершине ее - солнце, человеческий и конский труп, а на них Чжамсарана. Лицо у него красное; в правой руке, испускающей пламя, он держит медный меч, упираясь им в небо; этим мечом он посекает жизнь нарушивших обеты. В левой руке он держит сердце и почки врагов веры; под левой мышкой прижал он кожаное красное знамя. Рот страшно открыт, 4 острых клыка обнажены; имеет три глаза и страшно гневный вид. Он коронован пятью человеческими черепами. Стоит он среди пламенеющего огня премудрости».*

Принеся этому и армии иных демонов чашу крови, их призывают уничтожать врагов, а особенно тех, кто ограничивает распространение веры и святости буддийской. Вот вопль, к ним обращенный: *«Призываю основавшего свое вечное местопребывание в юго-западной стране трупов владыку жизни, великих красных палачей и шимнусов, не отступающих от повелений Чжамсарана, приходите по силе обещания... Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижников, чувствую их великим морем разной крови. Ом-ма-хум... Все враждебные и силы и препятствия, согласно своих строгих и жестоких законов, сделайте прахом... Открывший рот и обнаживший клыки, имеющий три глаза на своем страшном лице, завязавший в косу свою темно-желтые волосы, возложивший на себя корону из черепов и четки, величественный богатырь, одаренный лицом, на которое невозможно смотреть, тебя восхваляю я! Стоящую по правой стороне от тебя Ухин-тэнгри, которая держит в своих руках меч и гвоздь, имеет синеватое тело и красноватое лицо - восхваляю я!.. Царь хранителей-якиасов, мать красноликая, владыка жизни, свирепые восемь меченосцев и вы, страшные палачи, умножьте вашу энергию! греховным, воздвигающим преграды ламству, всем держащимся еретического учения покажите вашу силу, и спасите, о спасительные. Ниспослав свыше шимнусов, действующих ножами, схватите врагов сетью, пришипьте их гвоздями, перерубите мечами, прострелите стрелами, пронзите копьями, высосите у них сердце! Но, заставив их покончить свое настоящее злое существование, спасите их души! Прекратите жизнь этих злобных врагов! плоть, кровь и кости их вкушайте устами вашими! Примите эту жертву плоти и крови ненавистных врагов! Направьте меня на путь добродетели, но накажите врагов явными знаменами! Уничтожьте врагов ламства и веры вообще, ибо только таким путем вы сохраните веру и священное учение!»⁴.*

Итак, если издалека кажется, что все религии равны, стоит рассмотреть их поближе. И задаться вопросом, можно ли, например, в одном иконостасе поставить Спаса

---

⁴ Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. - СПб., 1887. С. 329-338.

Рублева и маски ламаистских божеств? Можно ли наряду, во время одной утренней молитвы прочитать и молитву христианина, и молитву тибетского монаха?

Впрочем, для ответа на последний вопрос надо привести их тексты. Утреннюю молитву ламаиста мы слышали. Для удобства сопоставления возьмем молитву православного христианина, обращенную не к Богу, но к Ангелу Хранителю: «Святой Ангеле, предстояй окаянней моей души и страстней моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое. Не даждь места лукавому демону обладати мною насильством смертнаго сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения. Ей, святой Ангеле Божий, хранителю и покровителю окаянныя моя души и тела, вся мне прости, еликими тя оскорбих во вся дни живота моего, и аще что согреших в прешедшую ночь сию, покрый мя в настоящий день, и сохрани мя от всякаго искушения противнаго, да ни в коем гресе прогневаю Бога, и молися за мя ко Господу, да утвердит мя в страхе Своем, и достойна покажет мя раба Своя благости, аминь». Как справедливо отмечает Л. Юзефович, *«Архангела Михаила, архистратига небесных сил, при всей его воинственности трудно представить в диадеме из отрубленных голов, сжимающим в зубах окровавленные внутренности противников христианства. Пусть даже подобные физиологические детали были символами борьбы чисто духовной, сам этот метафорический язык, принципиально отличный от христианского, должен был волновать Унгерна»*⁵.

Впрочем, в Тибетской «Шамбале» доходило и до практики. «Мне, пробывшему тогда полтора десятка лет среди монгол, казался странным разговор со служителем, буддийским ламой, представителем движения «щадя все живое», разговор о возможности существования человеческих жертвоприношений»⁶... И однако в невероятном пришлось удостовериться. Человеческие жертвоприношения дожили у северных буддистов до XX века.

Вот, например, одно из деяний знаменитого Тушегун-ламы (или Джа-ламы), считавшего себя воплощением Махакалы, Великого Чернобога, *«почти полвека будоражившего степь, вселявшего ужас в кочевников и признанного при жизни святым»*⁷. В августе 1912 году после боя в китайской крепости Кобдо монголы захватили 35 китайских торговцев (не солдат, заметьте, - купцов). Над ними было решено исполнить древний тантристский ритуал «освящения знамен». *«Созывая народ в гудящие раковины, ламы вынесли обтянутые человеческой кожей дамары - барабаны, музыкальные инструменты из полых человеческих костей, горшочки с кровью для демонов. Ламы высокого и низкого рангов одинаково с трудом пробирались сквозь толпу... Проворно донага раздели жертвы. Руки и ноги им заломили за спину, голову откинули назад, привязывая косицу к связанным рукам и ногам так, чтобы торчала вперед грудь жертвы. Громче забормотали молитвы и заклинания ламы, поспешнее становилось жуткое пение. Вперед вышел Джа-лама, как все ламы, с непокрытой головой, в красной мантии. Пробормотав слова молитвы, он встал на колени перед первым из связанных китайцев, взял в левую руку короткий серпообразный жертвенный нож. Мгновенно левой рукой вонзив нож в грудь, Джа-лама вырвал правой все трепещущее сердце. Хлынувшей кровью хайлар-монголы написали на полотнище «формулы заклинаний», которые гарантировали бы монголам помощь докшитов, оценивших их победу. Потом Джа-лама положил*

⁵ Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. - М., 1993. С. 152. Напомним, что барон Унгерн, один из самых жестоких деятелей Гражданской войны, был буддистом и никогда не был христианином.

⁶ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. 1927. N.3. С. 185.

⁷ Ломакина И. Голова Джа-ламы // Наука и религия. 1992. N.1.

окровавленное сердце в приготовленную габалу - чашу, которая на самом деле была оправленной в серебро верхней частью человеческого черепа. И снова крик новой жертвы, пока, наконец, все пять знамен не были расписаны кровью сердца. Коротким ударом ножа в череп вскрывали его ламы, опуская тут же теплые мозги в габалу к мертвым сердцам... В ужасе отшатываясь в начале, зрители вскрикивали что-то в знак одобрения, словно зажигая в душе свой маленький огонь... Настал черед следующих пяти жертв, в том числе пленного сарта. К нему первому подошел Джа-лама. Пронзительное «аллах-иль-аллах» разнеслось по долине, когда он шилообразной человеческой костью вскрыл сарту артерии и стал выпускать хлынувшую кровь в габалу. Сарт умирал, как истинный мусульманин: он бормотал предсмертную молитву, обратив взор в сторону родных мест, пока не упал на траву. Его четверым товарищам было не лучше: медленно истекали они кровью. Джа-лама обрызгал ею, кровью умиравших врагов, стоявших поблизости и дрожавших от страха цириков (солдат). Бездыханных жертв бросали в костер»⁸. Когда чиновник князя подоспел к месту жертвоприношения и попытался остановить его, утверждая, что по «желтой вере» таких ритуалов не положено, ему возразили: «Джа-богдо-лама исполняет тантра-приношение по стародавнему обычаю, как передают негласные, тайные предания. Его приказ для нас - главный! Так велит поступать с врагами религии Махакала». И в самом деле, что значит слово князя перед авторитетом святого! И он даже больше, чем святой: «Махакала первоначально был одним из образов Шивы как разрушителя мира»⁹.

Махакалу «ламы-иконописцы обязаны были изображать всегда с мечом или ножом, на фоне очищающего огня, с широко раскрытым ртом, готовым выпить в сердце врага желтой веры, выпить его неостывшую кровь. Этот докшит (по-тибетски и дхармапал на санскрите) не просто побеждает Зло, но испытывает блаженство при виде мук носителя этого Зла»¹⁰. Это отнюдь не образ демонических сил, не облик зла. Нет, это облик покровителя «желтой веры», облик тех сил, что защищают тибетский буддизм. Его и подобных ему духов в ламаизме называют «Восемь ужасных» (Махакала, Цаган-Махакала, Эрлик-Хан, Охин-Тэнгри, Дурбэн-Нигурту, Намсарай, Чжамсаран, Памба)¹¹.

Махакала — демон, сам не способный достичь нирваны, но, покоренный Падмой Самбхавой и иными буддистскими подвижниками, он «обречен вечно сражаться с теми, кто препятствует распространению буддизма, причиняет зло людям или мешает им совершать священные обряды»¹².

Далай-ламы (по признанию нынешнего Далай-ламы XIV) с детства связаны с чернобогом Махакалой: «Вскоре после моего рождения на крыше нашего дома поселилась пара ворон. Это представляет особый интерес, поскольку подобные вещи происходили и после рождения первого, седьмого, восьмого и двенадцатого Далай-лам. Позднее, когда Далай-лама Первый вырос и достиг высот в своей духовной практике, он во время медитации установил прямой контакт с божеством-защитником Махакалой. И тогда Махакала сказал ему: «Тот, кто, подобно тебе, утверждает учение буддизма, нуждается в защитнике вроде меня». Так что, как мы видим, между Махакалой, воронами и Далай-ламами определенно существует связь»¹³. Кроме того, нынешний

⁸ Ломакина И. Голова Джа-ламы. - Улан-удэ - СПб., 1993. С. 74-76. «Об этом необычном торжестве мне рассказывал как сам Джа-лама, так и его приближенные», - свидетельствует А. Бурдуков (Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения... С. 185) хотя в его статье нет описания тех ритуалов, которые приводит И. Ломакина, очевидно, по иным источникам.

⁹ Давид-Ноэль А. Мистики и маги Тибета. С. 39.

¹⁰ Ломакина И. Голова Джа-ламы. - Улан-Удэ - Петербург, 1993, сс. 6-7.

¹¹ Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 151.

¹² Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 91.

¹³ Интервью Далай-ламы XIV с Дж. Аведоном // Путь к себе. 1995, №3, с. 9.

лауреат Нобелевской премии мира не прочь поработать с демонами и «божественными палачами»: *«Для того, чтобы иметь дело с так называемыми гневными защитниками, мы сами должны достичь определенного уровня внутреннего развития. Когда человек достигает некоторых результатов, или стабильности в своей йогической практике, особенно в йоге божеств, и развивает в себе гордость этого божества, то он обретает способность использовать различных защитников и божеств. Вот это правильный путь... Я проводил посвящения Калачакры. При этом я всегда мысленно представлял различных защитников тибетского народа, тибетского сообщества... Эти божества могут оказывать влияние на события, происходящие в мире»¹⁴.*

Далай-лама не досказал лишь то, что для того, чтобы повлиять на самих «гневных божеств», и понудить их «оказывать влияние на события, происходящие в мире», нужно прибегнуть к тайным тантрическим обрядам. То, что совершал Джа-лама, не вакханалия сумасшедшего; совершенное им жертвоприношение «доступно лишь тем немногим, согласно тантризму, кто овладел обетами алмазной колесницы Ваджры»¹⁵. То, что Джа-лама делал редко, вполне постоянно «прообразовывалось» обычными ламаистскими обрядами. Например, в юрте у Джа-ламы висел «тулум» - кожа, содранная в 1913 году с пленного киргиза без разрезов, мешком, искусно просоленная и просушенная. Это не боевой трофей, но необходимая молитвенная принадлежность. «Есть такие моления лам, когда требуется расстелить на полу перед собой кожу Мангуса, воплощения зла; другое дело, что за неимением ее расстилают кусок белой ткани, символизирующей тулум Мангуса. Поскольку Джа-лама начал строить большой монастырь, кожа врага была нужна ему для будущих хуралов, молебствий»¹⁶.

«Тулум», сопровождавший Джа-ламу в его странствиях, интересен еще вот чем. Каждый народ, каждый город старается, помимо почитания Единого Небесного Отца (если он еще о Нем помнит), обрести более «близкого» духовного покровителя. Москва своим покровителем чтит св. Георгия Победоносца, а Петербург - св. Александра Невского. В античности Афина Паллада считалась покровительницей Афин, а Артемида - Эфеса... Кого же ламаисты считают покровителем своей священной столицы - Лхассы? - Богиню Лхамо. Она изображается всегда скачущей по морю крови на муле, покрытом страшной попоной - тулумом, сделанным из кожи ее сына, которого она сама убила за измену «желтой вере»¹⁷ ...

Обряды Джа-ламы были не настолько «эзотеричны», чтобы никто другой их не практиковал. Когда один из сподвижников Джа-ламы Максаржав в 1921 году совершил переворот, он не просто уничтожил белый гарнизон (отряд атамана Казанцева - часть Унгерновской дивизии). Сердце есаула Ванданова (бурята-буддиста) было съедено. *«При появлении в лагере Ванданова чеджин-лама сразу же впал в транс, воплотившееся в него божество требовало себе в жертву трепещущее сердце Ванданова»¹⁸. Ванданова расстреляли, а вынутое сердце было поднесено беснующемуся чеджину, который в экстазе его съел. Позднее он говорил, что во время транса действует божество, а не он, оно и съело сердце Ванданова».* Исполнители этого действия рассказывали Бурдукову, что *«его сало и мясо разобрали на лекарства. В тибетской медицине мясо, сало, череп*

¹⁴ Интервью Далай-ламы XIV // Путь к себе. 1995, №4. Сс. 31. и 39. Вновь напоминая о том, кто именно мыслится защитником буддистской веры: «Любой Бодхисаттва может быть выбран и как йидам, но когда, - что часто случается, - он существует в двух ипостасях, одна из которых благая, а другая - гневная, то, как правило, именно последняя выбирается защитником» (Дэви-Неел А. Посвящение и посвященные в Тибете. - СПб., 1994. С. 51).

¹⁵ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 73.

¹⁶ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 210.

¹⁷ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 78.

¹⁸ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 188.

человека и многое другое употребляются в качестве лекарств. Человеческое мясо и сало преимущественно берутся от казненных»¹⁹.

Ванданов был принесен в жертву при совершении все того же ритуала освящения знамени. Но на этот раз это было уже - красное большевистское знамя. И командир красных монголов Максаржав вскоре был награжден советским орденом Красного Знамени...

Вскоре в плен к «красномонголам» (термин А. Бурдукова) попал фельдфебель Филимонов из Бийска. И на этот раз сердце пленного было принесено в жертву красному знамени и съедено. Совершал обряд все тот же бывший при Максаржаве чеджин (чойджин) лама²⁰. *«Интересно, что в современных случаях человеческих жертвоприношений инициаторами являются представители высшего ламства — Джа-лама и чеджин»*²¹.

Так что речь идет не об эксцессе. Речь идет о традиции. Естественно, эзотерической... В северном буддизме в обиходе *«храмовые духовые инструменты из человеческих костей и из этого же материала изготовленные зерна ламских четок... Габала изготавливалась из черепа девственника, умершего естественной смертью и не убившего ни одного живого существа. В нее наливалась кровь жертвенных животных для призвания грозных дхармапала»*²².

Когда людям рассказываешь о таких страничках буддистских верований и практик, реакция обычно стандартная: *«Да не может такого быть. Ведь всем известно, что буддизм самая миролюбивая религия на земле!»*. До такой степени люди затерроризированы идеей обязательного «мира между религиями», настолько пленены пропагандой их «равноценности» (при предполагаемом превосходстве буддизма над христианством), что даже Инесса Ломакина, в книге которой о джа-ламе столько страшных страниц, считает необходимым делать реверансы в адрес «мудрости ламаизма». «Молодая женщина — член буддийской общины Санкт-Петербурга, прочтя часть рукописи, спросила меня: «К чему все эти ужасы, эти жертвоприношения? Буддист не сорвет травинку, благословляя все, растущее и живущее на земле. Или вы против возрождения ламаизма?». Нет-нет, не против; любая вера сейчас, наверное, во благо. Только ламаизм — вера особая, вобравшая мудрость Степи»²³. Конечно, вырывать сердца из груди живых людей — это идет «во благо человека». Карма убитого от этого становится лучше.

Для Унгерна и Джа-Ламы «кровь на лепестках буддийского лотоса казалась чем-то вполне ему соприродным и естественным»²⁴. Когда Бурдуков поинтересовался у Джа-ламы, как, будучи буддийским монахом, он может носить оружие, сражаться и убивать, Джа-лама ответил: *«Эта истина («щадя все живое») для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. Как человек, взойшедший на гору, должен спуститься вниз, так и совершенные должны стремиться вниз, в мир — служить на благо других, принимать на себя грехи других. Если совершенный знает, что какой-то человек может погубить тысячу себе подобных и причинить бедствие народу, такого человека он может убить, чтобы спасти тысячу и избавить от бедствия народ. Убийством он очистит душу грешника, приняв его грехи на себя»*²⁵. Так что буддизм в состоянии предложить оправдания для преступлений, совершаемых своими адептами.

¹⁹ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 189.

²⁰ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 188; Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 210.

²¹ Бурдуков А. В. Человеческие жертвоприношения. С. 189.

²² Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 149.

²³ Ломакина И. Голова Джа-ламы. С. 208-209.

²⁴ Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 156.

²⁵ Цит. по: Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 153.

Но несмотря на это, с поразительной навязчивостью в современной (как оккультной, так и светской) пропаганде веротерпимость и миролюбие буддизма противопоставляются «кровожадности» христиан. Постоянно мелькают заявления типа: «Буддисты - единственные из всех верующих, которые за 2,5 тысячи лет никогда не были причиной кровопролития. Буддисты никогда не начинали войн, тем более братоубийственных, гражданских. Они не насаждали (в отличие от христиан) свою религию огнем и мечом»²⁶. Что ж, прислушаемся к мнению историка: *«Большинство западных буддологов подчеркивает «мирный» характер учения буддизма по сравнению с исламом и христианством, словно забывая о том, что многие правители древнего и средневекового Востока именовались в буддизме «чакравартинами», «бодхисатвами», «буддхараджами», хотя некоторые из них отличались крайней жестокостью и известны истреблениями целых народов, например, Ашока, Чингис-хан и др. Причем в истории зафиксировано множество случаев, когда агрессия оправдывалась религиозными целями: войны на острове Шри-Ланка за обладание Зубом Будды, поход бирманского царя Ануруддхи на государство Тхатон якобы ради получения палийского закона и т. д. Э. О. Берзин отмечает, что «борьба за разрушение государств старого типа и создание государств нового типа, как это всегда бывало в средневековье, велась под религиозными лозунгами. Так, на поверхности событий мы видим борьбу буддизма хинаяны против буддизма махаяны в Таиланде, Кампучии, Лаосе, борьбу старых анимистических культов против буддизма хинаяны в Бирме, борьбу конфуцианства против буддизма махаяны во Вьетнаме, наконец, борьбу синкретической религии буддизм-индуизм против жрецов каждой из этих религий в отдельности в Индонезии». Необходимость и справедливость захватнической политики правителей, которые покровительствовали сангхе и дхарме, идеологи буддизма оправдывают ссылками на эдикты Ашоки, являющиеся канонизированной экзегетикой буддизма тхеравады, и на канонизированный трактат «Милиндапаньха», а в целом рассматривают природу этих войн через концепцию чакравартина. Следует отметить, что политика дхармавиджаи (досл. «завоевание с помощью дхармы») известна в странах южного буддизма как часть концепции чакравартина, согласно которой правитель обязан распространять дхарму на соседние страны, то есть завоевательные походы - это его долг»²⁷.*

В Китае «императоры, благоволившие к буддизму, как правило подвергают гонению даосизм, и наоборот»²⁸.

Буддистские секты самого Тибета, бывало, выясняли отношения между собой с оружием в руках²⁹. А в буддистско-синтоистской Японии уже лилась кровь христиан. До начала гонений в стране насчитывалось около 300 000 христиан. И это было сочтено угрозой для национальной безопасности Японии и для благополучия буддистских монастырей. Христианство было объявлено вне закона. В 1623 г. было казнено 27

²⁶ Дмитриева Л. Карма в свете «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской и Агни Йоги Рерихов. Спецкурс лекций по Основам Эзотерической Философии, прочитанный в Государственном Университете Молдовы и Международном Независимом Университете в 1993-1995 гг. Тематическое приложение к газете Агни Священный. Кишинев, 1996. Беседа 9. С. 118.

²⁷ Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1987. С. 186-187.

²⁸ Элиаде М. Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований М.,-Спб., 1997, с. 114.

²⁹ «Благочестивые обитатели обладали также и целыми боевыми дружинами монахов... В ту далекую эпоху (в XVI веке) религиозные секты Тибета, которые можно сравнить с католическими монашескими орденами, вели беспрестанные войны за власть над страной. Основным соперником желтошапочников Гелугпы были красношапочники Кармапы. В самый кульминационный момент войны между красными и желтыми последние решили привлечь на свою сторону племена джунгар, хошуттов и торгоутов. Главой их племенного союза считался Турул-байхур, более известный как Гуши-хан. В 1642 г. его армия разгромила боевые отряды Кармапы, а вождь союзников передал верховную власть над Тибетом Далай-Ламе V - Агван-Ловсан-Чжямцо, прозванному «Пятым Великим»» (Шишкин О. Н. К. Рерих. Мошь пещер. (1) // Сегодня. 10.12.94).

христиан. В 1618-1621 — убито 50 христиан-японцев. Следующий, 1622, год вошел в историю японской Церкви как «год великомучеников»: 30 христиан было обезглавлено и еще 25 сожжено заживо (из них — девять иностранных католических священников). И так продолжалось два с половиной века. Когда во второй половине XIX века христианство было все же объявлено разрешенной религией, христиан в Японии осталось 100 000 (при этом историк отмечает, что мало кто из христиан отрекался — большинство предпочитало смерть³⁰). Философское освящение этим гонениям было дано трактатом «О вреде христианства», написанным буддистским монахом Судэном³¹.

Технология этих гонений описывается архим. Сергием (Страгородским) - будущим патриархом Московским и всея Руси, в 1890-1893 гг. несшим послушание православного миссионера в Японии: *«Первые христиане окрещены были поспешно и без подробного обучения, а священников (после начала гонений на католичество - А. К.) не было. Но все они понимали завет своих отцов и хранили веру, хотя и знали ее крайне плохо, с трудом отличая Богоматерь от Кваннон. Иконы открыто держать нельзя было: их заделывали в штукатурку стены и на эту стену молились. Иногда христианские изображения делали на манер буддийских. Например, в японском буддизме богиня Кваннон иногда изображается в виде женщины с ребенком на руках. Нигде, кроме Японии, такого изображения нет, но и в Японии его происхождение загадочно. Некоторые и думают, что это на самом деле изображение Богоматери, бывшее в ходу среди тайных христиан, а потом перешедшее и к язычникам... Потомки казненных христиан до семи поколений объявлены были подозрительными и находились под надзором полиции (говорят, что некоторые были под надзором до самого падения сегунского правительства в шестидесятых годах XIX столетия). Каждый год они должны были приходиться в известный буддийский храм и здесь давать письменное отречение от христианства. А чтобы не было каких-либо ложных показаний, подозреваемых заставляли тут же попирать ногами христианскую икону. До сих пор сохранились такие иконы, литые из меди. Они очень стертые ногами попиравших, но особенно стертые, прямо ямами, их края, выступавшие вокруг иконы в виде рамы. Не имея решимости открыто отказаться от попиранья своей святыни, христиане становились на края и избегали, таким образом, касаться самой иконы. К стыду европейцев нужно сказать, что эту лукавую меру подсказали японскому правительству протестанты-голландцы»³².*

И в России «миролюбивые» буддисты также, случалось, убивали и преследовали христиан. Об одном из таких случаев начальник калмыцкой миссии иеромонах Никодим Ленкеевич, обративший за предыдущие два года в православие 220 калмыков, писал в Св. Синод 12 марта 1730 г.: *«В 1729 г. я просил рассмотрение учинить об определении крещеным калмыкам к жительству удобного места и об охранении их от прочих иноверных калмыков, дабы не был в обиде и утеснении. А сего 1730 года генваря в 5-й день владелец калмыцкий Дасанг, собрав войска ста в три человек, велел новокрещеных побрать и разбить до остатку, чтобы впредь не повадно было креститься их народу. И присланное войско от онаго владельца крещенаго Илью Табитя со всеми новокрещеными калмыками разбили до остатку и убили одного крещенаго до смерти, двух ранили и взяли грабежом мужеска полу восемь человек, женска полу восемь, девочек 11 мальчиков*

³⁰ Данные из книги: Sansom G. A History of Japan. Vol. 3.- Stanford, California, 1963. Pp. 39-43.

³¹ См. Нагато Хироси. История философской мысли Японии. - М., 1991, с. 69.

³² Архим. Сергей (Страгородский). По Японии. Записки миссионера. М., 1998, с. 82-83.

четверо, всего 31 человек. А прочие ушли, оставя имение свое, и спаслись от онаго войска... А как грабили, образы Божии иные в камыш покидали, иные с собой увезли»³³.

Весной 1757 г. три калмыцкие семьи выехали для принятия крещения. По пути, как гласит сообщение Астраханской духовной консистории, «*наехали на них на 4-х лодках некрещеные калмыки, да еще поодаль от них на 8 лодках, всего до 50 человек, стреляли из ружей, били смертно, находившемся при некрещеных калмыках школьнику Ивану Платонову прошибли голову даже до самого мозга, отчего он обеспамятствовал, а после того, чем его еще били и мучили, от сильного удара он не упомнит, был три дня в беспамятстве и доселе от побоев находится в тяжкой болезни, калмыков крещеных и некрещеных также били и грабили, но крещеные калмыки не стреляли, так как за неимением ружей стрелять им было нечем»³⁴.*

Да и в унгерновской дивизии, о которой упоминалось выше, самую боеспособную часть составляла Тибетская сотня, присланная барону Далай-ламой³⁵. Значит - были у тибетских лам и боевой опыт, и некоторые цели, ради достижения которых они не только имели войска, но и посылали их за пределы Тибета.

И не в давние «дикие» времена, а в нашем столетии «веротерпимые» буддисты и индуисты убивали христианских миссионеров. Саду Сундар-Синг, «апостол Индии» в 20-х годах свидетельствует об этом так: «*Миссионер Картар Синг, мой близкий друг, был замучен язычниками. Я поехал на то место, на гору, где его пытали и где он умер. Он был зашит в сырую кожу буйвола, которая, ссыхаясь на солнце, сжималась и душила его. Рассказывавший мне об этом индус видел, как этот человек, умирая в пытке, так благодарил Христа за преимущество пострадать за Него, что многие были поражены и уверовали. Другой мой товарищ был схвачен язычниками, которые сказали ему: «Если ты не отречешься от Христа, мы бросим тебя в пропасть». Страх охватил его, но он положился на Христа. Когда индусы поняли, что он не отречется, они толкнули его в бездну. Это было чудо - он не разбился насмерть. Что было потом, он рассказывал не сам: «Когда я смог поднять голову, то увидел себя в крови и совершенно без сил. Я подумал: Вот, я один и нет никого, кто мог бы помочь мне. И вдруг слышу голос: Нет, ты не один. Я оглянулся, вижу подходит человек, помогает мне придвинуться к скале и опереться на нее. Я попросил пить. Незнакомец пошел к ручью и принес мне два раза воды в пригорошне. На третий раз, когда я пил из его рук, я заметил, что руки его пробиты. Тут я понял, что это Христос. Через час я уже мог встать и пойти в ту же деревню, чтобы свидетельствовать о том, что сделал со мною Бог». Когда он мне это рассказал, я невольно усомнился. Через некоторое время я поехал в ту деревню, и местные жители, не христиане, подтвердили это, рассказав, как они были потрясены, увидев миссионера снова среди них. Со мной тоже совершилось такое чудо. В одной индусской деревне мне сказали, что если я приду еще раз говорить о Христе, меня убьют. Они меня не убили, но раздев донага, туго привязали цепями к дереву и закрыв цепи на замок, оставили одного. Вначале я очень страдал от холода, потом стал горячо молиться. Вдруг стало так легко - я ощутил присутствие Христа. Радость охватила мою душу - я понял, что значит «небо на земле». Холод больше меня не мучил, я уснул и проснулся от шума - с дерева упал созревший плод. Я вздрогнул и почувствовал, что цепи спадают. Рядом на земле лежал зрелый плод, которым я освежил горло. Наутро я пошел*

³³ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству Православного исповедания. т. 7, 2670. Цит. по: архим. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. 1. Калмыки. - Казань, 1915, с. 169.

³⁴ Архим. Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. 1. Калмыки. Казань, 1915, с. 347-348.

³⁵ См. Юзефович Л. Самодержец пустыни. С. 165.

в ту же деревню. Можете представить их изумление. Они стали спрашивать, кто открыл замок. Единственный ключ от замка находился в руках ламы. Мне же было ясно, Кто избавил меня от смерти»³⁶.

Так что человеческие жертвоприношения в современном буддизме противоречат разве что не в меру завышенным европейским представлениям о буддизме, а не истории самого буддизма.

В своей истории христиане проливали крови, наверно, не меньше буддистов. Но эта кровь никогда не была ритуальной. И потому церковная жизнь, давно покрывшаяся золой быта и грешками мирян и пастырей, в схоластическом спокойствии ищущая равновесия всех духовных проблем - все же лучше безумного пламени, что опалает ветеранов «контактов с космическим Разумом».

Я был в Мексике. Взбирался на пирамиды...

Что бы они рассказали, если б заговорили?

Ничего. В лучшем случае, о победах над соседним племенем, о разбитых головах. О том, что слитая в миску

Богу Солнца людская кровь укрепляет в последнем мышцу;

что вечерняя жертва восьми молодых и сильных обеспечивает восход лучше, чем будильник.

Все-таки лучше сифилис, лучше жерла единорогов Кортеса, чем эта жертва.

Ежели вам глаза скормить суждено воронам, лучше, если убийца - убийца, а не астроном.

(Иосиф Бродский. Мексиканский дивертисмент).

Этот мир, мир языческих жертвоприношений был хорошо знаком людям Библии. Не все язычники приносили человеческие жертвы. Например, ненависть римлян к Карфагену не в последнюю очередь объясняется отвращением римлян от человеческих жертвоприношений африканцев³⁷. Также как чувство омерзения к язычеству у библейских пророков становится вполне понятным на фоне ханаанской практики сжигания младенцев во славу Ваала. Жесткое отмежевание первых христиан от «античного наследия» также станет понятнее, если вспомнить, что в глубине этого «наследия» проступала человеческая кровь³⁸. И рассказ «Повести временных лет» о том, как Перуна пустили в

³⁶ Саду Сундар-Синг. Речь в Тиволи 6 марта 1922 г. // Примиритель. N. 1 (2), 1992, с.23-24.

³⁷ «Вначале язычество боролось с тем, что хуже его... Обычно разные, несовместимые вещи любили консулы Рима и пророки Израиля; но ненавидели они одно и то же... В Новом Городе, который римляне называли Карфагеном, как и в древних городах финикийцев, божество, работавшее «без дураков», называлось Молохом; по-видимому, оно не отличалось от божества, известного под именем Ваала... И Молох не был мифом: во всяком случае, он питался вполне реально. Эти цивилизованные люди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь... Принято возмущаться назойливостью поговорки «Карфаген должен быть разрушен». Но мы забываем, что Ганнибал тащил тяжелую цепь войска через перевалы Альп... Полководец, прозванный Милостью Ваала, шел на юг - на город, который его страшные боги хотели разрушить... Это Молох смотрел с горы, Ваал топтал виноградники каменными ногами, голос Танит-Неведомой шептал о любви, которая гнуснее ненависти... Их религия была религией отчаяния, даже когда дела их шли великолепно. Как могли они понять, что римляне еще надеются? В самом сердце их мироощущения лежала усталость, устали они и от войны - как могли они понять тех, кто не хочет прекращать проигранную битву?... От Нового города осталось только имя. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни - священные остатки худшей из религий» (Честертон Г. К. Вечный человек. - М., 1991, сс. 162,167,183-185).

³⁸ «Мы коснемся одного, самого внушительного и страшного класса жертвоприношений - искупительных. Они предполагают не радостное и доверчивое, а угнетенное настроение приносящих - угнетенное несомненным божьим гневом, неутоленным никакими молебствиями... Из этой идеи развивается страшный обряд - обряд искупительного человеческого жертвоприношения. Он был всеобщим и на востоке, и на

плавание по Днепру, перестает казаться «разрушением культурных памятников родной старины», если вспомнить, что Перуну еще за несколько лет до года Крещения принесли в жертву христиан³⁹.

Не от жестокости люди приносили столь страшные жертвы - скорее от отчаяния. Слишком далек Бог. Слишком близки боги. И слишком непостоянен у них характер: сегодня помогают - завтра издеваются. И как жест последней надежды люди убивали друг друга перед лицом богов: может, хоть это сделает вас милосерднее...

Нельзя понять Евангелие без рассказа о грехопадении. Нельзя понять сияние Фаворской горы без знания той пропасти, в которую скатились люди. Долго человечество карабкалось к той «полноте времен», когда ему можно было дать Евангелие. За это время не только много воды утекло - но и много крови у многих алтарей.

Есть смутный отблеск правды в этих кровавых блужданиях религиозного чувства. Действительно, «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9,22). Кровь есть жизнь, и человек ощущает потребность именно жизнью, «весь живот наш» вверить, посвятить горнему миру. Кроме того, Бог просит людей: «Сыне, дай мне сердце твое». Но и духи также хотят всецело подчинить себе людей. Поистине, по слову Достоевского, - «здесь дьявол с Богом борются, и поле битвы сердца людей». Союз должен быть не поверхностен, он должен быть заключен не на периферии человеческой жизни, а в ее глубине - в сердце. И вот духи просят: так вынь это сердце наружу и дай его нам. Как жест верения себя духовным владыкам, человек льет кровь свою и кровь жертв.

Возможно, и у семитов в доветхозаветные времена был культ человеческих жертв. Жертвоприношение Иеффая предстает как отголосок архаичной практики. По весьма вероятной догадке В. Розанова обряд обрезания родился как замена ханаанскому обычаю жертвоприношения первенцев⁴⁰.

западе, и на севере и на юге; некогда знала его и Эллада - всем известно жертвоприношение Ифигении... И в историческую эпоху здоровое чувство Греции победоносно борется с этим страшным пережитком. Где человек заменяется жертвенным животным; где - куклой; где человек остается человеком, но жертвоприношение заменяется окроплением жертвенника его кровью, или же его сбрасывают со скалы, принимая меры к тому, чтобы он был спасен; где, наконец, очень редко, - и это было самым строгим отношением к старине, - для жертвоприношения прибегают к присужденного к смертной казни преступника. Все это были так называемые "фармаки", то есть средства "исцеления" государства от болезни" (Зелинский. Ф. Ф. Древнегреческая религия. - Киев, 1993, с. 77). Впрочем, эллины помнили, что некогда и у них было иначе: " - Смотри, что ты делаешь, преступный Дамид! Своими словами ты едва не опрокидываешь храмы и алтари богов. - Не все алтари, Тимокл. Ведь что ж в них дурного, если они полны благовоний и фимиамом? Но я увидел бы охотно свергнутых со своих оснований алтари Артемиды в Тавриде, на которых эта дева наслаждалась известными всем жертвоприношениями, радовавшая ее» (Лукиан. Зевс трагический, 44). Известные всем жертвоприношения" Артемиде - это человеческие жертвы (см.: Лукиан. Избранное. М., 1996, с. 482).

³⁹ «В год 6491 (983) пошел Владимир против ятвигов, и победил ятвигов, и взял их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «не дам сына моего бесам». Посланные ушли и поведали об этом людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял в сенях с сыном своим. Сказали ему: «дай сына твоего, да принесем его богам». И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили» (Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века. - М., 1978, с. 97). До Крещения Владимира и Руси оставалось пять лет...

⁴⁰ «Жертвоприношение младенцев не было никогда отменено, но лишь заменено, по милосердию и жалости к страданию родительскому. В законе установлены "ассигнации", но есть и "золото". "Бог Израилев" допустил ассигнации в жертвоприношениях.. На "ассигнациях" еврейских есть крупинка золота, мазок

И все же не кровь людей, но кровь животных льется в мире Ветхого Завета. Это - лучше, чем «вечерняя жертва восьми молодых и сильных».

Тем не менее, если знать техническую сторону ветхозаветных ритуалов, то планы восстановления иерусалимского Храма и древнееврейского богослужения не вызывают энтузиазма.

Священники ходили по потокам крови и их руки были в самом буквальном смысле «по локоть в крови». Более того — они сами и проливали эту кровь. Вот приносят в жертву горлиц: *«Как совершается хаттат из птиц? Он помещает оба ее крыла между своими двумя пальцами и обе ноги ее между своими двумя пальцами и вытягивает шею ее на своих пальцах и щемит ногтем против затылка, но не отделяет головы и окропляет ее кровью стены жертвенника, а остальную кровь выжимал на иесод... Как совершается всесожжение из птиц? Он щемит голову ее против затылка, отделяет и выжимает ее кровь на тень жертвенника, затем берет голову, прижимает место отщепления к жертвеннику, обтирает солью и бросает на огонь жертвенника,.. затем он разрывает туловище и бросает в огонь жертвенника... разрывает рукой, но не ножом»* (Талмуд. Трактат Зевахим. гл.6,4-6)⁴¹.

Ветхозаветным законом предписывалось ежедневное принесение жертвы: *«Вот что будешь ты приносить на жертвеннике: двух агнцев однолетних каждый день постоянно; одного агнца приноси поутру, а другого агнца приноси вечером»* (Исх. 29,38-39). Ежедневное утреннее жертвоприношение ягненка начинается с того, что, дождавшись первых солнечных лучей, священник говорит тем, за кого приносится жертва: «выйдите и принесите ягненка из камеры ягнят». Ягненку связывали переднюю ногу с задней («Комментаторы понимают это так: ягненка не вяжут, но священники держат его за ноги»). *«Голова обращена на юг, а лицо поворачивалось на запад. Заколающий стоит на востоке лицом на запад. Снимавший кожу не ломал задней ноги, но придырявливал колено и вешал; кожу снимал до груди; дойдя до груди, он срезал голову и передавал ее тому, кому выпала голова; затем срезал голени и передавал тому, кому они выпали; он доканчивал снятие кожи, разрывал сердце, выпускал кровь его, отрезал руки (передние ноги) и передавал их тому, кому они выпали на долю; приходил к правой ноге (задней), отрезал ее и передавал тому, кому она выпала, а с нею оба яичка, затем он разрывал его и весь оказывался перед ним открытым; он брал тук и клал на место отреза головы, сверху; затем брал внутренности и передавал тому, кому они выпали, чтобы он их обмыл. Он брал нож и отделял легкое от печени и палец печени от печени, но не сдвигал их сместа; он прободал грудь, обращался к правой стенке и резал, спускаясь до позвоночника, но не доходил до позвоночника, а доходил до двух мягких ребер; он это отрезал и передавал тому, кому это выпало, а печень висела на этом. Он обращался к шее и оставлял при ней два ребра с одной стороны и два ребра с другой, отрезал и передавал тому, кому она выпала на долю, а дыхательное горло, сердце и легкие висели на ней. Он обращался к левой стенке и оставлял при ней два мягких ребра сверху и два мягких ребра снизу и столько же оставлял у другой стенки; он отрезал ее и передавал тому, кому она выпала на долю, а позвоночник с нею и селезенка висит на ней. Он обращался к хвосту, отрезал его и передавал тому, кому он выпал на долю, а курдюк,*

подлинной крови; это - обрезание. А все-таки нож, в религиозном обиходе евреев, дотрагивается до тела еврейского новорожденного мальчика и извлекает из него кровь... В силу закона Моисеева, всякий младенец мужского пола обречен в жертву Богу, родители должны его выкупить. Это выражалось, пока существовал Храм, через жертву: богатые приносили в жертву ягненка, бедные - двух птенцов голубиных" (Розанов В. В. Важный исторический вопрос // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. - СПб., 1914, сс. 46-54). О подробностях самой процедуры обрезания см.: Соколов В. Обрезание у евреев. // Православный собеседник 1890-1891 г.

⁴¹ Талмуд. Мишна и Тосефта. Пер. Н. Переферковича. т. 5. кн. 9 и 10. - СПб., 1903, с. 49-50.

палец печени и обе почки с ним. Затем он брал левую заднюю ногу и отдавал тому, кому она выпала на долю. Оказывается, все они (участники жертвоприношения) стоят рядом с жертвенными членами в руках; первый с головой и задней ногой: голова в правой руке, нос обращен к верхней части руки, рога между пальцами, место зареза наверху и тук над ним, а правая задняя нога в его левой руке с местом кожи наружи; второй с двумя передними ногами: правая в его правой руке, а левая в его левой, и их место кожи снаружи; третий с хвостом и ногой: хвост в правой руке, курдюк свешивается между его пальцами, а палец печени и две почки с ним, а левая задняя нога в левой руке...» Всего так стоят 9 участников утреннего жертвоприношения. Они отправлялись и клали свои доли на нижней половине кевеша к западу, солили их, сходили, приходили в камеру газит, чтобы читать Шема» (утреннюю молитву). (Талмуд. Трактат Тамид гл. 3,3-4,3)⁴².

Понятно ли теперь, почему Христос не был иудейским священником, почему Тот, Кто Себя принес в жертву за грехи всех людей, Кто Сам был Первосвященником, был лишь мирянином?

Наконец, помимо ежедневных, малых жертв, ритуалы Ветхого Завета предписывали совершать и жертвы всежжения, то есть такие жертвоприношения, при которых части жертвенного животного не раздавались людям, участвовавшим в служении, но все тело животного сжигалось. Предназначенный для этого жертвенник всежжения имел 30 локтей ширин и 15 - высоты. *«Вечный огонь горел на нем. Это был не очаг, а целый пожар. Представьте себе треск, свист шипение огня на таком жертвеннике. Представьте себе почти циклон, образующийся над храмом. По преданию, он никогда не гас даже от дождя. Тут сжигали целых быков, не говоря уже о множестве козлов и баранов. Вообразите, какой стоял запах гари и сала - если от одного шашлыка на Востоке несет чад на несколько улиц! По Иосифу Флавию, на Пасху закалалось 265 тысяч агнцев... Порою священники ходили по циклотку в крови - весь огромный двор был залит кровью. Со слабыми нервами сюда нечего было идти. В праздник кущей в 1 день приносилось 13 быков. Ветхозаветный культ принудительно устрашал своей огромностью», - дает свящ. Павел Флоренский картинку ветхозаветного культа⁴³.*

Это общий закон Моисеева ритуала: помазание кровью и кропление кровью. Приблизительно как у нас помазание миром и окропление святой водой. И как в «практическом руководстве для православных пастырей» рассказывают о том, как держать младенца при крещении, чтобы не повредить ему, так в иудаизме хранятся инструкции по убийству животных. Наш священник кропит водой, еврейский кропил кровью.

И вот вся эта внешняя мощь и стихийность древнего культа заменяется вознесением кусочка хлеба и чаши вина... Количественная величественность культа ветхозаветного как бы сжимается в качественную напряженность культа новозаветного. *«Христианство бесконечно сгущеннее иудейства и окончательно отвечает на законные (ибо «без пролития крови не бывает прощения» по слову Апостола) запросы иудейства; но иудейство непрестанно пытается удовлетворить свои запросы временными, и потому недостаточными, средствами»⁴⁴.*

И потому уже в зените Ветхого Завета Бог начинает отучать людей от этих жертв. *«Жертва Богу - дух сокрушен», - открывается Псалмопевцу. Амосу говорится: «Не навизу, отвергаю праздники ваши, и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всежжение и хлебное приношение, Я не приму их»*

⁴² Талмуд. Мишна и Гософта. Пер. Н. Переферковича. т. 5. кн. 9 и 10. Спб., 1903, с. 388-393.

⁴³ Свящ. Павел Флоренский. Философия культа // Богословские труды. N. 17, М., 1977, с. 97.

⁴⁴ Розанов В. В. В другую плоскость // Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. - СПб., 1914, с. 92.

(Амос. 5,21-22). О том же слышит Иеремия: «Всесожжения ваши неугодны, и жертвы ваши неприятны Мне» (Иер. 6,20). И Исайя передает своему народу: «К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожженными овнов; и крови тельцов и агнцев Я не хочу. Не носите больше даров тщетных; новолуний и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие - и празднование! Новолуния ваши и празднования ваши ненавидит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло⁴⁵; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову» (Ис. 1,11-17).

Наконец, наступает время Нового Завета. Если раньше к Богу в жертву пригоняли стада быков и овец, то теперь Бог Сам пришел к людям со Своей Жертвой, со Своим даром. Человеческие усилия взобраться к Богу, человеческая готовность выдавливать из себя и из животных кровь по капле ради того, чтобы ее ручеек вопиял от земли к небу, оказались тщетны: «Закон никого не довел до совершенства» (Евр. 7,19). Жертвы Ветхого Завета «не могут сделать в совести совершенным приносящего» (Евр. 9,9). В самом деле - принесение жертв есть движение потревоженной совести, есть смутное ворочание покаянного чувства, ощущение ненормальности своей жизни. Но после принесения жертвы так ничего и не менялось. И потому возникала необходимость новых и новых жертв, и потому жертвы были ежедневными. Трупы животных не могли заполнить пропасти, развершейся между Богом и человеком.

Но пришел Христос, Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира. Не юридическую или нравственную ответственность за грехи людей перед лицом Отца взял на Себя Христос. Он принял на Себя последствия наших грехов. Ту самую ауру смерти, которою люди окружили себя, изолировав себя от Бога, Христос заполнил Собою. Не переставая быть Богом, Он стал человеком. Люди далеко ушли от Бога, невольно пододвинулись к небытию - и туда, к той же границе небытия свободно подошел Христос. Не приемля греха, но приемля последствия греха. Как пожарный, бросающийся в огонь, не соучаствует в вине поджигателя, но соучаствует в боли тех, кто остался в охваченном огнем здании.

Не всех людей Христос нашел на земле. Многие уже ушли в шеол, в смерть. И тогда Пастырь идет за потерявшимися овцами вслед за ними - в шеол, чтобы и там, в бытии после смерти, человек мог находить Бога. Христос проливает кровь не для того, чтобы умилостивить Отца и дать Ему «юридическое право амнистировать» людей. Через пролитие крови Он, Его любовь, ищущая людей, получает возможность для входа в мир смерти. Не как Deus ex machina врывается Христос в ад, но Он входит туда, в столицу своего врага, естественным путем - через Свою собственную смерть. Христос мучительно умирает на Кресте не потому, что Он приносит жертву Отцу или дьяволу - «Он раскинул руки Свои на кресте, чтобы обнять всю вселенную» (св. Кирилл Иерусалимский. Огласительные беседы. 13,28).

Жертва Христа - это дар Его любви нам, людям. Он дарит Себя, Свою Жизнь, полноту Своей Вечности нам. Мы не смогли принести должный дар Богу. Бог выходит навстречу и дарит нам Себя.

Богочеловек Себя пожертвовал людям, подарил Свою жизнь нам — не чтобы Ему умереть, но чтобы нам жить в Нем. И поэтому христианское жертвоприношение, Литургия, совершается со словами: «Твоя от Твоих Тебе приносим за всех и за все». Мы теперь Богу приносим не свое, а Богово. Не со своей кровью мы подходим к алтарю. Мы берем плод лозы, возвращенной Творцом. Чаша вина — вот то, что от нас в Литургии (плюс

⁴⁵ В латинском переводе Библии – Вульгате: «отдохните от того, чтобы делать зло».

наши сердца, которые мы просим освятить). И мы просим, чтобы этот, первый дар Творца, дар лозы стал вторым Даром — стал Кровью Христа, стал пропитан Жизнью Христа. От Твоих людей, от Твоей земли мы приносим Твою же Жизнь Тебе, Господи, потому что Ты ее дал нам для всех и для избавления от всякого зла. И мы просим, чтобы Твоя Жизнь, Твоя Кровь, Твой Дух жили и действовали в нас. *«Господи, ниспосли Духв Твоего Святого на нас и не подлежащие Дары сия»*, — просит вершинная молитва Литургии.

Мы приносим Богу, к алтарю символ Завета - вино и хлеб. А взамен получаем Реальность. *«Со страхом Божиим, любовью и верою – приступите»*.

Должный дар Богу — это такой, который позволяет глубиной своей совести быть с Богом. Мы — непостоянны. Поэтому взлеты религиозного, покаянного или радостно-славословящего чувства мы оставляем и возвращаемся на путь служения плоти. Но *«Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8)*. И поэтому *«Он не имеет нужды приносить жертвы ежедневно, как те первосвященники, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» (Евр. 7,27)*.

Жертву Христа нельзя и не имеет смысла повторять: *«Христос вошел не для того, чтобы многократно приносить Себя, иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею» (Евр. 9,24-26)*.

Аватары – «Спасители» Индии вынуждены приходить регулярно. Каждый раз, когда в мире затмевается память кармического закона, они должны приходить и напоминать о нем. Они говорят о космическом круговороте, и в этом круговороте должны принимать участие сами. Но в Библии — линейная история; каждое мгновение времени единично, уникально и ответственно. В библейском времени возможны неповторимые события. Самым важным из них и был приход Христа. Христос воздействует не на рассудок, не на память людей — и поэтому плод Его пришествия несравнимо глубже. Собою Он изменил вообще всю космическую структуру. Потому что Он пришел не с книгами и *«не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление... Кровь Христа очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному» (Евр. 9,14)*. Теперь — *«имеем дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым» (Евр. 10,19)*.

Если бы в то святилище, где человек обретает Бога, можно было войти путем жертв, совершаемых самим человеком, то можно было бы предположить позитивное значение иных, внехристианских религиозных путей. Если бы в это святилище человек входил посредством расширения своего знания о Реальности, то есть путем накопления *гнозиса*, то можно было бы ожидать появления новой религии, учитывающей «эволюцию достижений человеческой культуры». Но вход в это святилище Бог обусловил иным: Своей любовью и Своей жертвой. Она уже принесена. Однажды и вовеки.

Не надо бояться необычности Божия решения. Не надо убегать от Христа и Его Церкви в Шамбалу, в Индию или в «Третий Завет». Бог уже давно ждет нас рядом с нашим домом в обычной приходской церквушке на соседней улице, где каждое воскресное утро совершается Таинство Любви. Та Любовь, что некогда зажгла и сдвинула Солнца и светила, искрится и в маленькой Евхаристической чаше: *«И Евхаристия как вечный полдень длится. Все причащаются, играют и поют. И на виду у всех Божественный сосуд неисчерпаемым веселием струится» (О. Мандельштам)...*

Диакон Андрей Кураев. Дары и анафемы. М., 2001. С.182-241.